

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.46>

Романова Лидия Николаевна

**"СЕИМЧАНСКИЙ ДНЕВНИК" В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ А. Е. КУЛАКОВСКОГО:
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОРА**

В статье проанализирован "Сеимчанский дневник" основоположника якутской литературы, первого из якутов исследователя этнографии, фольклора, языка А. Е. Кулаковского в аспекте интеллектуальной истории и нового историзма, что является новым междисциплинарным направлением в современном якутском литературоведении. Дневник как источник личного происхождения рассмотрен в аспекте его коммуникативных стратегий и прагматичных функций, определенных самим автором. Анализ показал, что личный дневник Кулаковского двунаправлен: является примером сочетания автокоммуникации "Я-Я", когда пишущий становится читателем собственных записей, с выходом на внешнюю коммуникативную инстанцию "Я-для-Другого".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 225-229. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-94

Дата поступления рукописи: 18.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.46>

В статье проанализирован «Сеимчанский дневник» основоположника якутской литературы, первого из якутов исследователя этнографии, фольклора, языка А. Е. Кулаковского в аспекте интеллектуальной истории и нового историзма, что является новым междисциплинарным направлением в современном якутском литературоведении. Дневник как источник личного происхождения рассмотрен в аспекте его коммуникативных стратегий и прагматических функций, определенных самим автором. Анализ показал, что личный дневник Кулаковского двунаправлен: является примером сочетания автокоммуникации «Я-Я», когда пишущий становится читателем собственных записей, с выходом на внешнюю коммуникативную инстанцию «Я-для-Другого».

Ключевые слова и фразы: А. Кулаковский; якутская литература; интеллектуальная история; новый историзм; эго-документ; самоидентификация поэта.

Романова Лидия Николаевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
romanova_lida@mail.ru*

«СЕИМЧАНСКИЙ ДНЕВНИК» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ А. Е. КУЛАКОВСКОГО: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОРА

Одной из ведущих сфер взаимодействия истории и литературоведения – относительно автономных и в то же время общезначимых дисциплин – является интеллектуальная история.

Исследовательское поле интеллектуальной истории обширно и многогранно. Интеллектуальная история, по утверждению Л. П. Репиной, «изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека – ее условия, формы и результаты. Наряду с историей идей в него включаются какими-то своими составляющими – но не всем своим пространством – и история литературы, и история философии, и история религии, и история искусства, и прежде всего история науки, история знаний разного рода. Словом – креативная деятельность человека» [9]. Как видим, литературное творчество как вид креативной деятельности человека закономерно становится одним из важных составляющих интеллектуальной истории.

Изучение литературы в аспекте интеллектуальной истории связано с появлением нового гуманитарного направления междисциплинарного характера – «новым историзмом», который сложился в американском литературоведении в последние два десятилетия XX века.

«Новый историзм» в литературоведении предполагает как историческое прочтение литературных текстов (привлечение исторического контекста), так и герменевтическую интерпретацию текстов исторического характера (историко-документальных текстов), способствовавших или создавших условие для порождения литературного текста.

Несмотря на то, что в основу «нового историзма» как направления интеллектуальной истории легло постмодернистское филологическое, литературоведческое начало, в российской историографии научных исследований в этой области мало, не говоря уже о национальной филологической науке. Между тем «новоисторической» подход к национальным региональным литературам, в частности к якутской литературе, может представить богатый материал для реконструкции этнической интеллектуальной истории.

Процесс зарождения и формирования литературной традиции как история идей (просветительских, творческих, мировоззренческих и т.д.) закономерно входит в область интеллектуальной истории. Интересный объект исследования в этом направлении, кроме собственно литературных (художественных) текстов, представляют и документы личного характера (или происхождения), в отношении которых стали применять термин «эго-документ».

Рефлексия творческих людей (персоналий интеллектуальной истории), направленная на осмысление собственной идентичности, осознание предпосылок для формирования мировоззрения, художественно-эстетических принципов, социально-идеологических взглядов и т.д., часто находит яркое отражение в их дневниках, письмах, мемуарах, где непосредственно проявляется личное Я автора в автокоммуникативной рефлексии «Я-в-мире» (по теории П. Рикёра) [16]. Следовательно, документы личного происхождения способны в значительной степени, наравне с литературными текстами, представить картину мира писателя, являя собою единый культурный текст. Более того, они представляют научный интерес и для историков, находящихся в личных автозаписях субъективную, но являющуюся достоверной информацией от очевидца, участника событий характеристику исторической эпохи. Изучение жизни писателя в широком социокультурном контексте, исследование его модели жизнеописания, определение уровня и типа репрезентируемого им знания о мире необходимы для создания интеллектуальной биографии, которая характеризуется неразрывной связью между жизнью (окружающей действительностью) и творчеством личности.

Источники личного происхождения – эго-документы – якутских писателей в качестве контекста литературных текстов довольно часто привлекались и литературоведами, и историками, исследовавшими определенный этап истории литературы или биографику персоналий, но еще не становились объектом специального изучения.

Возвращаясь к вопросу генезиса национальной литературы, нужно отметить, что на основе изучения изданных и неизданных рукописных источников личного происхождения первых якутских писателей как создателей литературной традиции можно проследить не только их творческую и личностную эволюцию, но и реконструировать

становление национальной литературы в целом в контексте интеллектуальной истории. Такой подход нам представляется достаточно новым и актуальным как для якутского литературоведения, так и для историографии.

В исследовании данной проблемы основной методологической базой служат труды по общей методологии интеллектуальной истории А. Я. Гуревича [5-7], Л. П. Репиной [15] и др.

В этом направлении также актуальны и работы Р. Барта о неразличении исторического и литературного дискурсов, о рецепции истории только как рассказа (наррации) о событиях прошлого [2]. В подобном ключе работал и Б. А. Успенский, разрабатывавший культурно-семиотический подход к истории, исходивший из того, что историю можно понимать как «повествование», «нарративный текст» [22].

Методология нового историзма включает в себя интертекстуальный, дискурсивный и биографический анализы, в которых важна индивидуальность автора, создавшего текст, спроецировавшего на него свою жизнь, свою эпоху. Такой подход разрабатывается современными исследователями А. Эткингом [24], О. А. Проскуриным [14].

В аналитике источников личного происхождения – эго-документов актуальны статьи Ю. П. Зарецкого (РГГУ) [8], Н. В. Суржиковой (УрО РАН) [18]. Особенно продуктивны в плане выявления коммуникативных особенностей эгодокументов изыскания Ю. Л. Троицкого (РГГУ) [21].

Изучение якутской литературы в широком историческом контексте – явление по сути не новое в якутской историографии. По существу, источником или предтечей для изучения истории литературы как интеллектуальной истории можно считать труды историков Г. П. Башарина [3] и Е. Е. Алексеева [1] об основоположниках якутской литературы А. Е. Кулаковском, А. И. Софронове, Н. Д. Неустроеве, т.к. в них как раз начинается размытие границ между историей и литературой, где биография, творчество вплотную соотношены с историческими событиями эпохи. Исторический контекст определил и структуру биографического исследования Н. Н. Тобурокова в учебном пособии «Изучение жизни и творчества Ексеюлях Алексея в высшем учебном заведении» [19].

В последние годы изучение литературы в широком историко-культурном контексте набирает новые обороты. В близком к новому историзму ключе написана монография Л. Р. Кулаковской «Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время» [10]. Методологически большое значение имеют и труды Н. В. Покатиловой [12; 13], в которых обстоятельно реконструирована история формирования и становления поэтической (в широком смысле) традиции от предпосылок возникновения письменной поэзии до становления поэтической системы А. Е. Кулаковского с привлечением исторического контекста. В указанных исследованиях для реконструкции творческой лаборатории первопэта привлечен большой комплекс источников личного происхождения: дневники, письма, мемуары, автобиографические записи.

В якутской историографии и литературоведении изначально присутствовал особый интерес ко всем текстам (литературным и историческим) основоположника якутской литературы, первого поэта, ученого Алексея Елисеевича Кулаковского. Все его литературное, научное творчество наряду с историческими документами, касающимися его биографии и общественной деятельности, в том числе и личные документы, представляют собой целостную картину мира поэта как создателя литературной традиции и как личности, изменившей самосознание народа саха. Между тем источники личного происхождения первого якутского поэта еще не получили глубокого систематизированного анализа с точки зрения их коммуникативных стратегий, прагматических функций текста и т.д., требующих дискурсивного подхода. Дневники поэта в этом отношении являются наиболее продуктивными в плане выявления внутренней эволюции писателя.

Среди множества текстов личного происхождения выделяется Сеимчанский дневник Кулаковского периода его пребывания в местности Таскан Сеимчанского наслега Оймяконского округа с 22 ноября 1923 г. по 6 марта 1924 г. [11, д. 9, л. 18]. Причин интереса к нему как к ценному историческому документу несколько. Во-первых, в силу исторического и биографического контекста создания дневника, написанного в самый сложный период жизни поэта, когда он в годы Гражданской войны был вынужден скрываться в отдаленной северной местности. Этот период вызывал самые ожесточенные споры исследователей биографии и личности Кулаковского в течение всего XX века. Служба особоуполномоченным ВЯОНУ¹ и чрезвычайным уполномоченным по северным округам при генерале Пепеляеве не вписывалась в общую картину советской историографии, но при этом было очевидным, что Кулаковский был глубоко почитаем в народе, прежде всего как основоположник национальной литературы, просветитель, знаток и первый из числа якутов исследователь этнографии, языка, фольклора народа саха. Такое несовпадение идеологических ценностей политической власти и народа порождало разноречивые интерпретации биографии А. Е. Кулаковского в исследованиях советского периода.

Во-вторых, это был один из самых плодотворных в научном и творческом плане этап жизни Кулаковского: за время пребывания в Сеимчане им закончена и отправлена в Русское географическое общество рукопись «Словаря русских слов, перенятых и усвоенных якутами», содержащего 2358 слов, завершено главное его программное произведение – поэма «Сон шамана», написана большая поэма «Наступление лета», обработаны и подготовлены к печати его произведения, записано множество преданий и легенд, написаны статьи о якутской транскрипции и т.д. Поэтому Сеимчанский дневник Кулаковского представляет собой ценнейший материал для изучения его личности и биографии.

Сеимчанский дневник А. Е. Кулаковского часто упоминается в исследованиях его биографии. На его основе реконструирован один из самых важных с точки зрения становления всей системы интеллектуального творчества поэта периодов его жизни. Однако до недавнего времени дневник служил лишь вспомогательным

¹ Временное Якутское областное народное управление – антибольшевистская организация, действовавшая в 1922 г.

материалом для восстановления хроники жизни поэта и не привлекал внимание исследователей как объект отдельного изучения, как значимый текст культуры, позволяющий не только раскрыть внутренний мир поэта, узнать реальные события из его биографии, но и получить представление об атмосфере того времени, настроениях общества, веяниях моды, нравах, обычаях, традициях и т.д.

Впервые глубокий историко-реальный анализ этого источника дан Л. Р. Кулаковской в вышеупомянутой монографии. Дневник дал возможность автору книги воссоздать биографию поэта, показать в динамике его мировоззренческую и творческую эволюцию. В 2018 г. Сеимчанский дневник издан отдельной книгой [17]. Указанные исследования и издания свидетельствуют о том, что данный документ имеет широкий исследовательский потенциал и требует всестороннего, глубокого текстуального анализа.

По утверждению исследователей эго-документов, появление личного дневника в биографии «связано достаточно с высокой рефлексивной зрелостью... и появлением интимного пространства человека» [21, с. 15]. А. Е. Кулаковский свой дневник начинает именно со слов о том, что он долгие годы мечтал завести дневник и жалеет о том, что не решился на это, ибо «жизнь провел весьма содержательную для жителя Як[утской] об[ласти], полную всяких приключений и много странствовал, собирая на память... сведения по якутскому фольклору. А память у меня ни на что не годится. Если бы я вел с молодости (а мне теперь 46 л[ет] 10 м[еся]ц[е]в) дневник, то материалов по фольклору и о древности якутов было бы по крайней мере в три раза более имеемого» [17, с. 18]. Здесь автор говорит о своей зрелости как личности, имеющей богатый жизненный опыт, и как ученого-исследователя, обладающего глубокими знаниями в области этнографии и фольклора.

Изолированное проживание, ограниченное общение на далеком Севере, действительно, обусловили появление «интимного пространства», склоняющего к саморефлексии. И даже находясь в этом ограниченном в отношении общения пространстве, Кулаковский искал в заснеженном лесу место для уединения и работы. Запись от 1 марта 1924 г.: «День хороший, иду на поле пить чай. Сделал в лесу лежанку, ел шашлык». Через день: «День хороший. Бродил по снегу, ища удобного места для уединения, но не нашел. Переписываю набело песню о лете» [Там же, с. 56-57]. Эти короткие записи позволяют в какой-то степени проникнуть в творческую лабораторию поэта: тишина, уединение, природа – источники его поэтического вдохновения. Примечательно, что в работе над словарем заимствованных слов, записями легенд и преданий, переписыванием и подготовкой к печати текстов, ранее написанных поэтических произведений и т.д., поэт, судя по записям, особо не нуждается в уединении, но в написании нового поэтического произведения – поэмы «Наступление лета» – творцу была необходима особая атмосфера погружения в себя, единения с природой.

Кулаковский в начале своего дневника четко определяет его задачи, которые устанавливают коммуникативные стратегии текста. Первостепенной задачей для себя он ставит фиксацию точного времени, дней недели, месяца, т.к., «живя в уединенной тайге среди полудиких детей природы, не знаю о дне недели, а главное, о числе месяца», потерял счет времени. Эта достаточно прагматичная задача обоснована автором двумя факторами, первая из которых относится к его самоидентификации, определяющей позицию «Я-в-мире»; вторая связана с конкретными проблемами бытового характера – питанием, насущным вопросом выживания в суровых условиях севера. Вот что он пишет: «Впрочем, день недели лично меня ничуть не интересует, но окружающие надоедают вопросами и, не получая точные ответы, профанируют меня, а это кому будет приятно? И вот благодаря дневнику, я мог бы знать время. Время меня главн[ым] обр[азом] интересует из-за пищевых продуктов. с 9 окт[ября] питаюсь мясом одной кобылы, которой, вероятно, не хватит до весны» [Там же, с. 18-19]. Автор изначально указывает на свое особое положение в том обществе, в котором он оказался по воле судьбы. Он определяет коммуникативные границы в той среде, в которой он пребывает. Его обособление собственного Я от местного общества высказывается в недопустимости его «профанации» как образованного, «всезнающего» человека. В этом проявляется и чувство собственного достоинства автора, и в то же время его жизненная позиция, внутренняя творческая энергия, направленная на просвещение народа.

Заданная в начале текста интонация обособления собственного Я от Других (окружающих людей) сохраняется во всей структуре дневника. Границы «своего» и «чужого» ощущаются в характеристике поведения, обычаев северян. Например, в записи от 3 января 1924 г., упоминая о встрече сестер-северянок, не видевших друг друга много лет, Кулаковский пишет: «Сестра, не видевшая ее 8 лет, не проявила никаких признаков радости. Вот бесчувственность!» [Там же, с. 40]; а 10 числа того же месяца, коротко описывая смерть и похороны умершего от болезни мальчика, отмечает: «Ребенка вынесли вечером. Родители плачут – вот малодушие!» [Там же, с. 42]. В этих двух, казалось бы, парадоксальных (особенно об оплакивании умершего ребенка) и противоречащих суждениях о проявлении чувств северян на самом деле отражены различающиеся представления о *жизни* и *смерти* на плоскости «своей» и «чужой» культур. Для Кулаковского, находящегося вдали от своих родных, естественна радость при встрече *живых* близких родственников после многолетней разлуки, тем более в это страшное разрушительное время. Но при этом прилюдное оплакивание умершего вызывает негодование якута, потому как в его народе это издавна осуждалось. Считалось, что слезы по умершему отягощают его путь в иной мир, не дают успокоение его душе-*кут*. В исследовании якутских обычаев и традиций, в т.ч. погребальных обрядов, этнолог Р. И. Бравина также отмечает: «В XIX в. у якутов имело распространение поверье о том, что на похоронах каждая слезинка падает камнем на покойника, и он, услышав, как по нему убиваются, может вздумать вернуться назад» [4, с. 187], а у якутов страх перед покойниками и их возвращением в виде «*уөр*» (нежити, не нашедшей упокоения души умершего) был очень велик.

Подобных замечаний о различии обычаев, традиций центральных якутов и северных народов в дневнике встречается несколько: например, об угощении гостя охотничьей добычей, проявлении чувства благодарности, особенностях приема пищи, поведения при общении и т.д.

Вторая задача ведения дневника касается самоорганизации автора: «Во 2-х: надеюсь ежедневно записывать о том, что я сделал за день, видя малопродуктивность проведенного дня, я буду чувствовать угрызения

совести, что будет служить для меня искусственным подвинчиванием моих сил, спящих в тисках лени». Таким образом, дневник становится ориентиром для авторского саморазвития, совершенствования. Тот объем научной и творческой работы, который проделан за пять с лишним зимних месяцев, свидетельствует о том, что дневник действительно стал стимулом для Кулаковского. Так, начиная работу над «Словами, перенятыми якутами от русских», 22 ноября 1923 г. он пишет: «В три дня записано 990 слов. Думаю, что всего наберется до 2000 слов. Работа будет окончена через два, три года» [17, с. 20]. Однако уже через месяц с лишним, 7-го января 1924 г., в дневнике записано: «Я еле-еле [до]кончил словарик. Вышло 2358 слов, каково? Ай, да, якуты» [Там же, с. 41]. Ежедневный труд в нерасполагающих для интеллектуальной работы условиях говорит о высокой самоорганизации автора. Записи достаточно коротки, немногословны, но за ними вырисовывается весь облик Кулаковского, свидетельствующий о приверженности автора к самосовершенствованию через «документирование» работы над собой.

Если в начале дневниковых записей Кулаковский делал какие-то прогнозы по реализации своих планов, то дальнейшие записи утрачивают характер планирования на будущее (единственное, что автор планирует на несколько месяцев вперед, – это вопрос продуктивных запасов). Дневниковое тело приобретает значение подведения итогов за день: поэт проверяет продуктивность прошедшего дня, что также играет автоматизирующую роль в самоидентификации автора.

Третьим и важным пунктом целеустановки дневника становится его автокоммуникативная функция (позиция Я-Я) во временном разрыве между письмом и чтением, когда автор имеет возможность увидеть и оценить себя «вчерашнего» и тем самым зафиксировать собственное изменение во времени. Он пишет: «В 3-х: любопытно взглянуть через несколько лет на то, как я думал, о чем мечтал, чем был занят несколько лет тому назад, т.е. теперь. Ведь взгляды мнения и чувства каждого индивидуума все время изменяются, как стрелка барометра, прошлые мысли и чувства раз они изменились бывают смешны и комичны» [Там же, с. 19]. Здесь ощущается внутренняя переключка мыслей Кулаковского с размышлениями молодого Л. Н. Толстого в дневнике 1850 года: «Опять принялся я за дневник и опять с новым рвением и новой целью. Который уж это раз? Не помню. Все равно может опять брошу; зато приятное занятие и приятно будет перечесать, так же как приятно было перечесать старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь; иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе» [20, с. 47]. Писатели таким образом как бы фиксируют, запоминают себя при помощи дневника. Фиксация нынешней жизни необходима для внутреннего анализа собственного развития, эволюции своего мировоззрения.

Далее автор выражает надежду: «В 4-х, может быть, жена и дети поинтересуются тем, как я жил в Сеймчане» [17, с. 19]. Налицо расширение коммуникативной формулы «Я-Я» личного дневника его адресацией вовне, в имплицитную коммуникативную инстанцию «Я-для-Других». За данной записью скрывается не столько надежда на интерес к дневнику конкретно своей семьей, сколько закодированное обращение к потомкам, осознание важности записанного для будущих биографов. Здесь кроется и имплицитное понимание значимости своего труда для будущего. Это подтверждает мысль немецкого ученого Й. Хелльбека о значимости контекста личного дневника и его направленности во внешнюю среду: «“Я” пребывает в непосредственном диалоге с окружающим миром» [23, с. 196].

И, наконец, последней мотивацией заведения дневника для Кулаковского становится желание самовыражаться, «отводить душу на бумаге» за неимением равноправного, достойного собеседника в северной глуши. Но по ряду причин, о которых современный исследователь текста может только догадываться, Сеймчанский дневник малоинформативен в плане отражения сокровенных мыслей поэта и исследователя. По большей части автор описывает проделанную научную и творческую работу и каждодневные заботы, связанные с вопросами выживания в трудных условиях Севера. Видимо, скрываясь от красного террора, да и от белобандитских движений, чьи методы борьбы также были чужды для гуманиста и просветителя, Кулаковский не мог в полной мере на бумаге выражать свои взгляды и суждения, которые могли стать бы поводом для обвинений как с одной, так и другой стороны. Но те небольшие записи, где в закодированном виде прорываются его затаенные мысли и переживания, при знании контекста всей творческой деятельности поэта могут раскрыть и особенности его поэтического мироощущения, и внутренние сомнения, переживания и страдания.

Примечательна его запись от 20 января 1924 г.: «Видел интересные сны. Как только я засыпаю, я всегда вижу сны, непрерывно во все время сна. Так что я веду двойную жизнь: явную и ту, которую веду во сне. Но жить во сне для меня лучше, так как она интереснее и содержательнее: все в ней содержательно, занимательно и эксцентрично, тогда как жизнь наяву так сера, буднична, прозаична, без чудес... Не все ли равно – что жить во сне и что жить наяву! Одна от другой не зависят, одна другой не мешает. Преимущество явной жизни заключается только в логической связи прошлого с настоящим. Но на что мне эта связь, когда она больше причиняет страдания, чем радость? Наоборот, во сне человек совершенно свободен от прошлого и будущего и живет только настоящим, которое интересно и чудесно! По всему этому, я вечерами всегда желаю поскорее уснуть и окунуться в интересную жизнь, а утрами почти всегда разбужаюсь с сожалением, что отрываясь от интересной жизни и переносюсь на будничную жизнь, полную всяких забот, дрязги и пр.» [17, с. 45-46]. Это единственная такая обширная запись в дневнике поэта, выражающая его внутреннее состояние, истинные эмоции, в остальных записях проявление эмоций малословно.

Оппозиция сна и реальности представляется автором как противопоставление разных систем координат мира: сна – алогичного, но содержательного и дающего творческие импульсы, и яви – гнетущего и удушающего своей реальностью. Как установил К. Юнг, есть сны, которые говорят о том, что реальные возможности человека не соответствуют его притязаниям, завышенному уровню самооценки [25, с. 41]. Для Кулаковского

реальная действительность не соответствовала его духовным потребностям, «побег в сон» – по Юнгу, это попытка поэта гармонизировать ситуацию «изнутри». О большом значении снов в мироощущении поэта говорит и то, что одно из вершинных его творений поэма «Сон шамана» дана в форме сновидения, в котором нарушены пространственно-временные границы, переплетены мифологические контексты с реалиями жизни.

Таким образом, Сеимчанский дневник занимает особое положение в биографике А. Е. Кулаковского, в раскрытии эволюции творческого сознания от идеи самосовершенствования и саморазвития (эгоцентричная задача) к идее просвещения народа через литературу, фольклор, науку. В этом эго-документе можно выявить, расшифровать специфику образа создателя, творца литературной традиции и исследователя, интеллектуала со своим особым языком, поведенческой культурой, внешним обликом, навыками и умениями. В то же время в дневнике сквозь строки о себе и своей жизни проступает атмосфера, дух постреволюционного тревожного времени, ощущаемого даже в далекой северной глуши.

Подводя итог этой общей источниковедческой характеристике, необходимо сделать вывод о том, что дневник А. Е. Кулаковского как источник личного происхождения и эго-документ своей эпохи нуждается в обстоятельном исследовании и развернутом критическом комментарии.

Список источников

1. **Алексеев Е. Е.** Өксөкүлээх Өлөксөй (А. Е. Кулаковский. О жизни и творчестве (1877-1926)). Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 292 с.
2. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. **Башарин Г. П.** Три якутских реалиста-просветителя. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1944. 140 с.
4. **Бравина Р. И.** Концепция жизни и смерти в культуре этноса (на материале традиций саха). Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
5. **Гуревич А. Я.** Избранное. История – нескончаемый спор. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 464 с.
6. **Гуревич А. Я.** Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
7. **Гуревич А. Я.** История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
8. **Зарецкий Ю. П.** Свидетельства о себе «маленьких людей»: новые исследования голландских историков // Социальная история: ежегодник. СПб.: Алетейя, 2008. С. 329-340.
9. **История мысли и мысль в истории** [Электронный ресурс]: интервью Л. П. Репиной // Знание – сила. URL: <http://znanie-sila.ru/magazine/10-2011/istoriya-mysli-i-mysl-v-istorii> (дата обращения: 15.04.2017).
10. **Кулаковская Л. Р.** Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
11. **Национальный архив Республики Саха (Якутия).** Ф. 1480. Оп. 1.
12. **Покатилова Н. В.** От устной традиции к письменной в ранней литературе. Новосибирск: Наука, 2010. 248 с.
13. **Покатилова Н. В.** Становление литературы. Очерки по раннелитературной традиции. Якутск: ЯГУ, 1999. 83 с.
14. **Проскурин О. А.** Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. 462 с.
15. **Репина Л. П.** Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круть, 2011. 560 с.
16. **Рикёр П.** Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
17. **«Сеимчанский дневник» А. Е. Кулаковского. 1923-1924 гг.** / сост. Р. Р. Кулаковская, Н. С. Степанова. Якутск: Бичик, 2018. 64 с.
18. **Суржикова Н. В.** Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6-13.
19. **Тобуроков Н. Н.** Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии (Изучение жизни и творчества Ексекулях Алексея в высшем учебном заведении). Дьокуускай: Кудук, 2001. 112 с.
20. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 19. 624 с.
21. **Троицкий Ю. Л.** Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14-32.
22. **Успенский Б. А.** Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
23. **Хелльбек Й.** Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков: сб. статей к 60-летию А. П. Ненарокова. М.: РНИСиНП, 1997. С. 195-207.
24. **Эткинд А. М.** Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 7-41.
25. **Юнг К. Г.** Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 262 с.

“SEYMCHAN DIARY” IN A. E. KULAKOVSKY’S INTELLECTUAL BIOGRAPHY: THE AUTHOR’S COMMUNICATIVE STRATEGIES

Romanova Lidiya Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
romanova_lida@mail.ru

The article analyses “Seymchan Diary” of the founder of the Yakut literature, the first Yakut ethnographer, folklore specialist and linguist A. E. Kulakovsky in the aspect of intellectual history and new historicism, which is a new interdisciplinary trend in the modern Yakut literary criticism. The diary as a personal document is examined in the aspect of its communicative strategies and pragmatic functions established by the author himself. The analysis indicated that A. E. Kulakovsky’s personal diary is two-dimensional: it combines self-communication “Me-Me” when the writer becomes the reader of his own notes, and external communication “Me-for-the-Other”.

Key words and phrases: A. Kulakovsky; Yakut literature; intellectual history; new historicism; personal documents; ego-document; poet’s self-identification.